

Щегол-турлукан - Михаил Пришвин

Сокольниках, под Москвой, живет один мой приятель, зовут его Петр Петрович Майорников — большой любитель и первый в Москве ценитель маленьких певчих птиц. Из окна у него проведена веревочка в сад, к понцам — сетка для лова. Почти на каждом дереве в саду висит клетка с какой-нибудь певчей птицей. И так уж всегда у птиц: если какая-нибудь пролетает над садом, птичка в клетке непременно ей голос подаст, и та сядет на дерево.

В это время Петр Петрович открывает окно, берется за веревочку и, когда прилетевшая птица станет клевать рассыпанные между понцами семечки, — дернет за веревку. От этого понцы — две натянутые на рамы сетки — охлопываются и закрывают, как ладони, птичку. Пойманную птичку Петр Петрович сажает в клетку и выслушивает, хорошо ли она поет, — хороших оставляет себе или продает таким же любителям, плохих выпускает. Мы с вами, не зная этого дела, ничего не поймем ни в пении птиц, ни даже о чем говорят между собой птицеловы: у них и язык свой.

Раз я был на "Трубе" и услышал, как из-за бочки насвистывает разными коленцами и в птичьих лавочках насвистыванию отвечают подобные голоса. Скоро я понял, что за бочкой не на один голос, а на голоса разных птиц кто-то насвистывает. Заглянув туда, я увидел своего приятеля Петра Петровича Майорникова.

— Что вы тут делаете? — спросил я.

— Птиц выслушиваю, — сказал Петр Петрович, — кажется, есть недурной чиж.

И засвистел чижом.

В лавочках похоже ответили.

— Так и есть, — обрадовался Петр Петрович, — как он овсянку стегнул.

Проверили еще раз, и чиж действительно спел одно коленце, подобно птичке овсянке.

Мы пошли, купили чижа, и оказалось, — он не только был с овсянкой, но еще и с копейкой на голове.

— Конечно, — сказал Петр Петрович, — бывают чижи и получше...

— Какой же этот, самый-то лучший? — спросил я.

— Самый лучший чиж, — сказал Петр Петрович, — бывает с овсянкой и с двумя копейками, но и то не самый первый.

— А первый?

— Тот должен быть и с овсянкой, и с двумя копейками, и еще с касаткой.

Мы пересмотрели, переслушали разных птиц: были тут клесты, кривоносы, лубоносы, снегири, юрки, зяблики, овсянки, реполовы, чечетки, синицы, глушки, московки...

Но среди всех этих птиц не хватало любимого мной щегла, птички изумительной по красоте своего оперения. Один торговец предложил было нам плохонького щегла и назвал его турлуканом...

Петр Петрович засмеялся:

— Слышал, брат, ты звон, а лучше никому не говори.

— Отчего?

— Оттого, что у твоего щегла лысинка на голове велика, с такой лысинкой не может быть турлукана.

— Как так?

— Очень просто, — сказал Петр Петрович, — настоящий турлукан у нас тут есть только один, он у меня и в руках был, да я собственноручно ему хвост оторвал...

Вокруг нас собрались охотники и стали упрашивать Петра Петровича рассказать, как он оторвал хвост турлукану.

— Бейте меня, — начал свой рассказ Петр Петрович. — Бейте, кто хочет, я того заслужил, да, я собственной рукой оторвал хвост турлукану. Конечно, вы знаете, не мной это начато, это у всех охотников водится, рвать негодным певцам хвосты, чтобы знать потом, и больше его не ловить, и не кормить, и людей не обманывать. Но чтобы турлукану хвост вырвать, — за это надо бить и бить...

Прошлой осенью я наловил себе двадцать девять щеглов, рассадил их по разным клеткам, кормлю, ухаживаю, выслушиваю, и нет мне за это ничего: до рождества ни один даже не пикнул. Потом скоро и свету прибавилось, и в полднях капель началась — тут же непременно бы должны птицы начинать, а они все молчат.

И вот уж и снег подтаивает, слышу легонькое обыкновенное «цибить-бить», и то без всякой заркости. На пасхе показалось, будто один из них пик-пикнул синицу, но как потом ни слушал, не повторилось. И так у меня за всю зиму не только турлуканья не было, но даже ни один из двадцати девяти не циперекнул. Весь я издержался на корм птицам, вижу, ничего больше не остается делать, как только рвать хвосты и выпускать на волю.

Выхожу я за этим делом в сад, день самый лучший, весенний, и стало мне жалко немного рвать птицам хвосты, но очень уж я на них досадовал, и не хотелось тоже, чтобы другие охотники ловили их и расходовались или бы обманывали других. И вот оборвал я первому хвост, он полетел, сел сначала на мою грушу, обобрался, очистился и летит в сад к соседу, а сосед мой такой же щеглятник, как и я Ваня-Шапочка камнем гонит его дальше, потому что по хвосту видит — щегол был в руках.

Так и другой, и третий, и все двадцать восемь бесхвостых разлетелись. Наконец, вырываю последнему, двадцать девятому, и вот видите ли что... вот как только он сел на мою грушу, обчистился, оправился, да как запоет. Дух у меня захватило, стою, как истукан. Он и турлуканит, и трещит, и циперекает, а как из-под ципереканья турлукана пустит — тут у меня коленки затряслись, из-под пяток дрожь по ногам побежала, выше и выше, по животу, и вдруг изо рта вроде как бы сельтерской водой шибануло. Сыграл все двенадцать колен, под конец еще пик-пикнул синицу и смолк.

Сидит, молчит, я на него смотрю, а он помолчал, помолчал, да как хватит на заркость: «цибить-бить». Со всех сторон, вижу, слетаются мои бесхвостые. Собрав всех своих друзей, турлукан ударил в последний раз «цибить-бить». И вся стая махнула в сад к Ване-Шапочке. Тот, видно, не слышал турлукана, — бац камнем в бесхвостых, и все улетели.

Прыг я тогда через забор к Ване-Шапочке, кричу:

— Бей меня, бей, подлеца!

Он сначала было подумал, — с ума сошел, а потом, когда я все рассказал, темный весь сделался и спрашивает:

— Зачем же тебе нужно было рвать хвосты всем подряд?

— Но ты же не понимаешь, Ваня... — бормочу я.

И так сурово отвечает мне Ваня-Шапочка:

— Нет, брат, не понимаю я тебя и всех вас таких безжалостных охотников, я о каждой птице отдельно думаю и никогда не рву хвосты, и, особенно, чтобы всем подряд, безжалостные вы охотники, оборвете хвосты всем подряд, а после оказывается, что среди бесхвостых есть турлукан.